

# ОБРАЗЫ ПРОМЫШЛЕННЫХ ГОРОДОВ ТАТАРСТАНА В ВИДЕНИИ ЛИДЕРОВ ГОРОДСКИХ СООБЩЕСТВ И ПРОСТЫХ ЖИТЕЛЕЙ

Г.И. Макарова

Гузель Ильясовна Макарова | <http://orcid.org/0000-0002-3912-0961> | [makarova\\_guzel@mail.ru](mailto:makarova_guzel@mail.ru) | д. соц. н., главный научный сотрудник отдела этнологических исследований | ОСП ГНБУ “АН РТ” “Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ” (ул. Батурина 7А, Казань, Республика Татарстан, 420111, Россия)

## Ключевые слова

нестолличный промышленный город, образ города, индустриальная идентичность, городская история, пространственная социокультурная среда, этнокультурная специфика города, акторы городского развития, Татарстан

## Аннотация

В статье рассмотрены вербально фиксируемые доминанты видения и выстраивания образов нестоличных промышленных городов Татарстана их ведущими акторами, принимаемые и по-своему описываемые простыми горожанами. Они дополнены личными наблюдениями автора и анализом закрепленных в городской символике и топонимике, монументальной пропаганде и произведениях искусства смыслов. Проведенные в 2021–2022 гг. в Набережных Челнах, Нижнекамске, Альметьевске, Зеленодольске экспертные интервью и проблемно-ориентированные интервью в семьях показали, что их индустриальная специализация (и обозначение как города машиностроителей, химиков, нефтяников, кораблестроителей соответственно), как и связанные с ней особенности менталитета жителей, продолжают определять образы поселений. Причем завод становится в них неким незримым “партнером” каждого горожанина, задавая ритм и стиль жизни, ключевые моменты исторической памяти. В то же время их индивидуальность складывается под влиянием особенностей формирования населения, социокультурных пространств и городской культуры, в том числе этнокультурной специфики.

Глобальные вызовы сделали очевидной значимость развития промышленных городов России. Их социальная устойчивость связана с укреплением не только производственных, но и исторических, социокультурных оснований локальной идентичности, с пониманием перспектив и желаемого направления изменений. Все это делает актуальным обращение к проблематике их образов, складывающихся в повседневном взаимодействии жителей и под влиянием

---

Статья поступила 20.07.2023 | Окончательный вариант принят к публикации 27.04.2024  
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Макарова Г.И. Образы промышленных городов Татарстана в видении лидеров городских сообществ и простых жителей // Этнографическое обозрение. 2024. № 4. С. 183–204. <https://doi.org/10.31857/S0869541524040102> EDN: AXWZLC

Makarova, G.I. 2024. Obrazy promyshlennykh gorodov Tatarstana v videnii liderov gorodskikh soobshchestv i prostykh zhitelei [Images of Industrial Cities of Tatarstan in the Vision of the Leaders of Urban Communities and Ordinary Residents]. *Etnograficheskoe obozrenie* 4: 183–204. <https://doi.org/10.31857/S0869541524040102> EDN: AXWZLC

янием деятельности ведущих участников городских процессов. Данные образы могут выступать основой стратегий поселений, пробуждая активность социальных субъектов через осознание того, чем для них является Город и как он связан с такими смыслами, как Любимое дело, Завод, Регион, Страна.

Случай Татарстана интересен тем, что это развитый в экономическом плане субъект РФ, в котором имеются разного типа индустриальные центры, связанные с машиностроением, добычей и переработкой сырья, нефтехимией, оборонной промышленностью и функционирующие во взаимодействии с новыми точками высокотехнологичных производств. Важно рассмотреть, в какой мере их сохраняющаяся промышленная специфика сказывается на представлениях горожан о городе и какое значение приобретает складывающийся социокультурный ландшафт (в том числе его этническая составляющая). Также это регион, который прошел основные этапы советской и российской истории и сегодня успешно осуществляет ряд современных социальных проектов, в том числе связанных с благоустройством территорий. В связи с этим важно выяснить, как все это проявляется в формате вербальных описаний специфики нестоличных промышленных городов республики, рассмотрев их в контексте закрепляемых в городской символике, топонимике, искусстве смыслов.

### **Теоретические подходы, методика исследования**

Возникшие в советский период промышленные города представляют собой особый социокультурный феномен. Они стали активно изучаться в 1970–1980-е годы (Г.Ф. Купцевым, Ж.А. Зайончковской и др.), причем раскрывались их преимущества и недостатки. В то же время главный фокус исследования всех городов был сконцентрирован тогда (на этапе ускоренной модернизации) на проблематике “город и труд”, особое внимание уделялось взаимоотношениям предприятий и города, роли производств в совершенствовании качества жизни горожан.

В 1990-е — начале 2000-х годов в центр внимания отечественных ученых выходит человек. Исследователи (Ю.Л. Пивоваров, Л.Б. Коган, позже В.Л. Глазачев и др.) начинают писать о городах как “очагах культуры”, о важности предлагаемого ими жителям разнообразия форм деятельности. Однако промышленные поселения переживают в этот период кризис в связи с закрытием (приостановкой) градообразующих предприятий, ведущим к росту безработицы и социальной девиации. В последние десятилетия во многих из них отмечается новое укрепление позиций ведущих производств и одновременно расширение сфер приложения труда, а также поиск своего “лица” (Карачурина 2012). Моногорода изучают М.Г. Меерович, В.П. Зимин, Н.В. Зубаревич и др. На социокультурных аспектах проблематики, формировании их имиджа и брендов концентрируют внимание Ю.Л. Балюшина, П.А. Путинцев и Т.А. Быстрова, Л.Э. Старостова, В.П. Столбов и Э.П. Литова и др.

Цель статьи — определить видение акторами городского развития (лидерами муниципальной власти, ведущих производств, бизнеса, креативных индустрий, общественных организаций) и “рядовыми” горожанами образов промышленных городов Татарстана, выделить в них типическое (общее) и отличающее каждый из них, представив в широком историческом и современном социокультурном контекстах. Под акторами в данном случае понимаются субъекты, которые имеют устремления и возможности выступить в роли интеграторов сообществ,

формирующих в городе повестку дня, определяющих его функционирование и иницирующих изменения.

Первыми к образам современных городов обратились социологи — М. Вебер, Э. Дюркгейм, Г. Зиммель, Д. Харви, М. Кастельс и др. Наиболее последовательный анализ этого сложного феномена находим в работах представителей чикагской школы — Р. Парка, Л. Вирта, Э. Берджесса. Отмечая увеличение численности и плотности населения, неоднородности американских городов и отход в них от традиционной культуры первичных групп, они по сути представили обобщенный образ большого промышленного города. О характерной для городских поселений загруженности и калейдоскопичности писали У.Х. Уайт и Дж. Джейкобс, ратуя за сохранение в них разнообразия.

Вопрос о восприятии пространства города был впервые поставлен специалистом по городскому планированию Кевином Линчем. Выделяя элементы структуры и разрабатывая метод картирования, он понимал под образом города коллективное видение его пространственной формы. Для нас в такой трактовке важно то, что этот образ был рассмотрен с позиции оценок и отношения индивидов (традицию продолжает Дж.Л. Назар). Данные и другие подходы отражены в книге “Города разума. Образы и темы города в социальных науках” (Rodwin, Hollister 1984).

Сегодня — в условиях деиндустриализации — в странах Запада промышленные города больше рассматриваются в аспекте конструирования их имиджей. Причем в одних случаях, как показывает пример Белфаста (где, несмотря на закрытие верфей и маргинализацию рабочих, продолжает эксплуатироваться образ индустриального прошлого родины “Титаника”), имеет место несоответствие данного имиджа социальной реальности (Hodson 2019). В других — формируются новые образы: “креативного города” (Harcup 2000), места возрождения сельских практик (Э. Бурити), привлечения свободного капитала (Дж.Р. Шорт, Л.М. Бен-тон и др.). Раскрывается влияние продвигаемых образов на городские ландшафты — У. Дж. Маллетт, А. Господини (Gospodini 2006) и др. И в этом контексте кейс промышленных городов Татарстана, как и ряда других регионов России, интересен тем, что в них производственный профиль сохраняется, поэтому новые смыслы появляются не взамен, а наряду с прежними, индустриальными.

Опираясь на работы российских исследователей, охарактеризуем далее различия в подходах к пониманию образов городов, характерные для представителей разных наук. Так, трактовка данного понятия социальными и культурными антропологами, как и некоторыми гуманитарными географами, историками, философами, культурологами, базируется на изучении историко-культурных аспектов поселений, рождающихся в сознании горожан в ходе повседневного взаимодействия смыслов, запечатленных в городских мифах, персонажах и знаковых местах, топонимах и т.д. Тем самым образ города предстает сквозь призму “самопонимания и самоощущения его жителей” (Шабаетов и др. 2018: 262), воспроизводящих городские нарративы и создающих их (Карасева 2022). Методика исследователей В.В. Абашева, А.С. Бреславского, К.Д. Бугрова, Н.В. Дранниковой, Д.Н. Замятина, Н.Ю. Замятиной, М.Л. Лурье, М.Ю. Тимофеева, Ю.П. Шабаетова, авторов книги “Культура и пространство: историко-культурные бренды и образы территорий, регионов и мест” (Малькова, Тишков 2012) строится в данном случае на наблюдениях, а также на анализе культурных, исторических и современных текстов.

Социологи, а также ряд социальных психологов, экономгеографов, политологов рассматривают социально-экономические и социокультурные факторы формирования образов городов (Е.А. Корчак, М.В. Назукина и др.) и то, какими их видят представители разных социальных групп (Ю.А. Пидодня, Г.В. Еремичева и др.). Они изучают их в контексте проблематики неравенства, структурирования городского пространства, деятельности сообществ (С.Ю. Барсукова, И.А. Скалабан, Е.В. Тыканова, Э.К. Наберушкина) и социальных сетей (С.В. Пирогов и др.), конструирования городской идентичности (О.А. Богатова, Р.В. Евстифеев и др.), в том числе с использованием механизмов брендинга (Д.В. Визгалов, Н.Ю. Власова, А.Ю. Согомонов и др.). Методика базируется на массовых опросах и интервью, анализе официальных документов и интернет-ресурсов, касающихся городского развития.

Третье направление берет начало в работах градостроителей и урбанистов. Продолжателем К. Линча – в плане изучения роли “застройщиков” в формировании городских образов – применительно к российским городам выступил В.Л. Глазычев. Для него (как и А.Э. Гутнова, В.А. Филина и др.) они связываются в первую очередь с планировкой и градостроительной композицией, а также с искусством. О важности оптимального соотношения исторического облика города и задач формирования комфортной городской среды пишут Е.В. Хохрин и С.А. Смольков, об историко-архитектурных ресурсах индустриального наследия – Н.С. Солонина и О.А. Шипицына, на визуальных характеристиках городов и их воплощении в художественном творчестве делает акцент Ю.Р. Горелова (Горелова 2019). Эти авторы опираются как на документы по развитию городской застройки и художественные произведения, так и на формируемые людьми ментальные карты.

Большинство представителей всех обозначенных направлений рассматривают образ города в настоящем с отсылками к прошлому. В то же время важность определения векторов его дальнейшего развития подчеркивают представители мыследеятельностного подхода (Ю.В. Громыко), а метод прогнозного социального проектирования городского развития был разработан Т.М. Дридзе (Дридзе 1994: 7).

В данном случае рассмотрение образа города будет выстраиваться на пересечении социально-антропологического и социологического подходов. В связи с этим в качестве инструментального, опираясь на характеристики, данные рядом исследователей, мы будем ориентироваться на следующее его определение. *Образ города* – это совокупность (синтез) формирующихся в сознании населения и продвигаемых акторами городского развития представлений о нем (Замятин 2013: 14), о его социокультурной специфике, связанных с “пространственными компонентами среды” (Пидодня 2010), с его прошлым, настоящим и будущим, с опытом жизнедеятельности субъектов в данном городе (Там же). Видение образа города сказывается на городской идентичности – т.е. самоотождествлении горожанами себя с ним и с теми, кто проживает на его территории.

Статья основывается на результатах осуществленных автором в четырех промышленных городах Татарстана исследований:

1) поисковых проблемно-ориентированных интервью в семьях жителей (октябрь – декабрь 2021 г.;  $n = 16$ ). Они являлись, по сути, групповыми фокусированными дискуссиями, направленными на выяснение видения ими проблем и акторов развития городов, их образов и идентификации с ними;

2) экспертных интервью с представителями муниципальных органов власти, руководителями ведущих производств, малого и среднего бизнеса, городских общественных организаций (октябрь – декабрь 2022 г.;  $n = 31$ ). Они выстраивались вокруг схожей проблематики с акцентом на деятельности данных акторов в направлении развития города.

Тексты интервью были дополнены аналитическими заметками, делавшимися автором и фиксировавшими наблюдения по поводу особенностей пространств каждого города, их индивидуальности и комфортности, развитости инфраструктуры, разделения на районы (по характеру застройки и степени удаленности от ведущих предприятий), наличия/отсутствия зеленых зон, этнокультурной специфики, динамики городской жизни, а также поведения различных групп горожан. Позже, в ходе подготовки статьи, был также проведен ряд консультаций с целью выяснения отдельных вопросов, связанных с темой работы.

Качественное исследование охватило следующие нестоличные промышленные города, отличающиеся по численности и истории создания, но схожие в плане выполняемых ими социальных функций:

– Набережные Челны – получивший статус города в 1930 г. и разросшийся в 1970–1980-е годы в связи с комсомольской стройкой и возведением КамАЗа. В настоящий период – крупнейший город (по классификации Г.М. Лаппо) с населением 545750 человек (СБ 2023), расположенный в 205 км от Казани;

– Нижнекамск – возникший вокруг “Нижнекамскнефтехима” (городской статус получен в 1966 г.); в последние десятилетия к комбинату добавилось предприятие по нефтепереработке “Танеко” и др. Ныне – большой город (241 106 человек) в 170 км от Казани;

– Альметьевск – сформировавшийся на месте татарского села в связи с разработкой нефтяных месторождений город (с 1953 г.) с ведущей компанией “Татнефть”. Его население составляет 164 145 человек, расположен в 224 км от столицы республики;

– Зеленодольск – возникший на месте рабочего поселка город (с 1932 г.), приближающийся по численности к большому – 99 078 человек. Градообразующие предприятия (Завод имени Серго – POZIS и Зеленодольский завод им. А.М. Горького) имеют преимущественно оборонную направленность.

В регионе накопился свой опыт изучения промышленных городов. Их социальные особенности анализировались Р.З. Алтынбаевым, Я.З. Гариповым, С.П. Дыриным, Ф.Ф. Ишкинеевой и др.; искусство – С.М. Червонной, А.Б. Файнбергом, Г.Ф. Валеевой-Сулеймановой, Р.Р. Султановой (Султанова 2001); градостроительные аспекты – А.А. Дембичем и др. Однако с антропологических позиций данные поселения практически не исследовались.

### **Индустриальная специализация в образе городов**

В связи с тем, что индустриальная специфика во всех четырех изучаемых поселениях сохранилась и градообразующие предприятия выжили в рыночных условиях, остаются значимыми и их обозначения как городов машиностроителей, химиков, нефтяников, кораблестроителей. Интенции в данном направлении свойственны в первую очередь руководству ведущих компаний, хотя они поддерживаются и другими акторами городского развития, простыми горожанами:

Наш генеральный директор всегда говорит: у нас нет деления нефтяник — не нефтяник. Все, кто тут живут, все — нефтяники, потому что без учителей, без докторов, без кондукторов наши работники не смогли бы работать (ПМА 2: 1).

Двигателем города изначально является завод КамАЗ, потому что только из-за него со всего СССР люди приехали сюда, в этот город, на постройку, на запуск. <...> Все от него идет, вся основная масса людей работает там, на этом заводе (ПМА 1: 1).

Название нашего предприятия состоит из двух частей — “Нижекамск” и “Нефтехим”, — поэтому город и предприятие неразрывны. И сегодня практически каждая третья семья в Нижнекамске связана с нефтехимией (ПМА 2: 2).

Наш город — побратим Кронштадту. У нас военный завод, корабли, у нас кораблестроение (Там же: 3).

Обозначенные характеристики получили закрепление в названиях улиц. В Челнах это: Автозаводский проспект, улицы Автомобилистов, Инженерная, Металлургическая, Команды Камаз-мастер; с возведением города связаны бульвар Строителей и улица Академика Рубаненко (разработчика его ген. плана). Они перекликаются с тематикой монументальной пропаганды, в числе которых памятник “Слава строителям КамАЗа”, бюсты его первого гендиректора Л.Б. Васильева и руководителя строительства Е.Н. Батенчука; с историей завода знакомят музеи, а малышей-картингистов называют “камазята” (как ранее звали всех детей, родившихся в “новых” Челнах). В топонимике Нижнекамска находим отражение его отраслевой специфики: Проспект химиков, парк Нефтехимиков, улица Менделеева, Б.В. Бызова, О.Г. Мурадяна — руководителя строительства Нефтехима; бюст его первого директора Н.В. Лемаева открыт в одноименном сквере, а известная хоккейная команда носит имя “Нефтехимик”.

В Альметьевске обращают на себя внимание памятники “Нефтяники” (где они изображены на буровой установке) и “Нефть” (в виде нефтяного фонтана); те же символы отражены в геральдике города. В нем функционирует ДК “Нефтьче” (нефтяник — в пер. с тат.) и спорткомплекс “Нефтяник”, а в названиях улиц читается политика сохранения имен известных представителей профессии (В. Шашина и др., всего порядка 15 наименований). В Зеленодольске на его гербе видим ладью и молот, а среди названий улиц — Кузнечная, Кронштадтская, Морская, Судостроителей, Металлистов, среди достопримечательностей — Корабельный фонтан, Бронекатер “Калюжный”, памятник контр-адмиралу Д.Д. Рогачёву. В городе работает молодежный центр “Порт”, спортивные комплексы “Метеор” и “Маяк”.

Иными словами, предприятия выступают в данных поселениях не просто в роли работодателя, но и — определяя топонимию и городскую символику — формируют “правила” маркирования публичных пространств. Производственная специфика находит отражение и в художественном творчестве. Особенно это было характерным для изобразительного искусства 1960–1980-х годов (Султанова 2001: 27–48), о чем говорят уже сами названия работ: “КамАЗ на перевале Чор-Мазак” (К. Сафиуллин), “Портрет молодого строителя КамАЗа” (Х. Гимазетдинов) и “Литейный завод КамАЗа” (А. Вашуров); “Химия” (Г. Капитов), “Пуск этилена” (В. Никольский) и “Вечерний химкомбинат” (А. Фатхутдинов),

“Дорога нефтяников” и “Клад Татарии” (А. Косолапов) и др. В литературе выделим поэму-сказку “Тан Батыр. Баллада о нефтянике” А. Маликова и поставленный по ней спектакль. Тем самым на тот период завод являлся также неким культуртрегером, определявшим смысловую доминанту искусства.

Возвращаясь к интервью, заметим, что в их ходе много говорилось о профессиональных праздниках, отмечаемых в городах. В Альметьевске это День нефтяника, широко празднуемый в один день с Днем города. В Нижнекамске – День химика, причем по этому случаю поселение становится центром региональных торжеств. В Челнах сохраняется традиция проводить День строителя, что связано с гигантской стройкой 1970–1980-х годов; на городской уровень выходит День машиностроителя. В Зеленодольске, помимо дней кораблестроителей, машиностроителей, на городском уровне с советских времен проводится также День Военно-Морского Флота:

День города/День нефтяника – это, наверно, самое крупное событие. <...> Привозят федеральных... музыкантов ...это прямо серьезный концерт. <...> Площадь перед ДК “Нефтьче”... думаю, там не меньше... 10 тысяч наберется народу (ПМА 1: 2).

“Нижнекамскнефтехим” приглашает... своих работников, звезду ежегодно. <...> У нас сейчас там (в ледовом дворце. – Г.М.) проходит республиканский День химика, и сюда приезжают именно со всей республики (Там же: 3).

Всегда очень классно проводился здесь День строителя. <...> Такие праздники закатывали на Майдане (Там же: 4).

Самый главный день – морского флота. <...> На пляже... раньше организовывали... Наша военно-морская часть... моряки высаживались... снимали фуражки и махали (ПМА 2: 4).

Отмеченное подтверждает тезис о сохраняющемся отражении индустриальной специализации промышленных городов в их образах. Причем это составляет *типическую* для них характеристику, выделяемую также другими исследователями по отношению к поселениям подобного рода. К примеру, авторы статьи “Горнозаводская и равниннофабричная цивилизации России...” пишут о том, что производственные гиганты Урала включаются сегодня в актуализацию своего исторического наследия (*Шипицына и др.* 2021: 126) и воспроизведение индустриальной идентичности в городах. Н.В. Дранникова отмечает, что северодвинцы обозначают свой город как “город корабелов”, а себя – как “судостроителей” и что здесь “локальная идентичность накладывается... на идентичность профессиональную” (*Дранникова* 2020: 87).

С профилем поселений связан и профессиональный состав населения, влияющий на менталитет жителей. Вот как говорит об этом приглашенный в Зеленодольск специалист в области креативных индустрий: “Там такая... инженерная интеллигенция. Это прямо чувствуется в разговоре. <...> Планомерности там очень много... потому что все-таки... инженерно-технический персонал – он другой” (ПМА 2: 5). Также здесь приведем цитату из интервью, проведенного в Нижнекамске: “Здесь же технология (химический, нефтехимический процесс, нефтеперерабатывающие процессы), в основе которой химия, физика, математика” (Там же: 6). Далее в ходе рассуждений эксперта вырисовывался образ

терпеливых, организованных людей, умеющих сосредоточиться и “относящихся серьезно ко всему” (Там же) — т.е. артикулировались те их качества, которые важны для работающих в области химии.

Таким образом, завод продолжает выступать в изучаемых поселениях неким незримым “партнером” каждого горожанина, не только дающим работу, средства к существованию, но и в определенной мере формирующим склад ума и ценностные установки. В то же время взаимоотношения завода и жителей города различаются в зависимости от характера деятельности каждого из них, а также от их отношения к данной деятельности. Так, для одних — в особенности работающих на предприятии (в том числе молодых людей) — завод остается местом самовыражения, и обозначенные смыслы сохраняют значимость и актуальность. Соответственно для них он — “соратник”. Поэтому их дискурс завода нередко переходил в дискурс города и наоборот (к примеру, говоря о проблемах поселения, они могли незаметно для себя начать размышлять о важности самореализации и продвижения на производстве, передачи опыта молодым специалистам, а также о способах удержания в городе молодежи, о необходимости диалога с учителями по поводу значимости поддержания престижности работы на нем).

В то же время вместе с диверсификацией экономик поселений в них появляются новые формы занятости и новые смыслы. И они уже не связаны напрямую с градообразующим предприятием, которое, однако, может продолжать восприниматься как “хозяин” города — диктующий смыслы, определяющий ритм и образ жизни, выбор профессии и способы проведения досуга. Иными словами, содержание и сама тональность оценок города-завода зависели от того, в какой мере субъекты включены в производственные процессы и насколько они для них важны.

Отношение к заводу и его месту в городе определяется и теми предпочтениями, которые он может дать. В частности, в Зеленодольске (при всем осознании работниками предприятий важности их дела) низкие зарплаты на “оборонке”, близость столицы региона с большими возможностями трудоустройства и размещение в пределах расширившихся границ города логистических хабов ведут к утере привлекательности (особенно для молодежи) связанных с производством смыслов и связей. В Набережных Челнах о самореализации на заводе говорилось больше, хотя также звучали замечания по поводу заработных плат (при высоких ценах на жилье). Соответственно часть молодых людей выбирает сферу бизнеса, креативные профессии, и для них город и завод уже не связаны столь тесно друг с другом.

В Нижнекамске, в котором нефтехимические и нефтеперерабатывающие компании продолжают расширяться, заводы дают неплохие возможности для профессионального роста и материального обеспечения себя и семьи. Соответственно, позитивная идентификация с ними встречалась достаточно часто. В то же время те, кто стремится реализоваться в иных, не связанных с производством сферах, оценивали потенциал города-завода критически. Наконец, в Альметьевске, отличающемся от остальных изучаемых поселений своим особым статусом нефтяной столицы республики, работа на ведущем предприятии считается престижной (давая ряд преимуществ, в том числе материальных). При этом “Татнефть” стремится поддержать свой фирменный стиль и образ, актуализируя связанные с компанией смыслы. Остальные сферы (образователь-

но-научная, малый и средний бизнес, культурная, креативная) в данном случае зависят от нее. Другими словами, здесь предприятие действительно выступает “хозяйном” города, хотя (по замечанию самих жителей) хозяйном рачительным, заботящимся о нем.

И в завершении раздела отметим, что из текстов интервью становилось очевидным стремление ряда экспертов расширить рамки индустриальных образов городов, дополнив их прежде всего образовательной и культурной составляющими. Соответственно обозначались интенции (в том числе самих представителей производств) уйти от однозначного их толкования как городов-заводов, привязанных к одному промышленному объекту. В частности, в Челнах в связи с этим подчеркивалась важность создания Передовой инженерной школы — “драйвового вуза” (ПМА 2: 7) и центра подготовки кадров не только для КамАЗа, но и для всей страны. В Альметьевске акцентировалась значимость реализации проекта Высшей школы нефти, объединяющего образовательную программу и научные разработки и трактуемого как “источник роста города” (Там же: 8). В Нижнекамске аналогичные устремления связывались с НХТИ (Нижнекамским химико-технологическим институтом), в котором началась реализация проекта научно-образовательного кампуса. В то же время в Зеленодольске эксперты ратовали за возвращение в город хотя бы филиалов казанских вузов (важно, однако, отметить, что здесь еще с 1949 г. продолжает работать Зеленодольское проектно-конструкторское бюро).

### Отражение истории городов и их населения

*“Город инициативных людей”*. История возникновения городов и формирования населения также определяет их образы. Причем при ее обсуждении интервьюируемые вновь выходили на тему менталитета жителей.

Хотя статус города был получен Набережными Челнами в 1930 г., никто из участников исследования не говорил об этом. Все связывали историю со строительством в 1970—1980-е годы завода-гиганта: “Я вырос под огнями КамАЗа, на другом берегу Камы. Вот у меня в деревне ночью было светло как днем от огней, которые здесь зажглись на стройке” (ПМА 2: 9). Показательно, что архитектор В.Л. Глазычев, работавший в Челнах в 1984 г. по одному из проектов, вспоминал, что он приехал, когда строительная техника доламывала последние старые постройки (из которых ему удалось “спасти” лишь несколько зданий [Глазычев 2005]). Возможно, в том числе поэтому в ходе интервью складывалось впечатление, что до КамАЗа города не было. Так или иначе, тогда данный путь воспринимался однозначно как путь в светлое будущее, что хорошо передано в картине А. Вашурова “Новые Челны”, где изображена дорога от старого деревенного к новому “белому” городу.

Таким образом, завод стал в данном случае не просто смысловой доминантой поселения, но и начальной точкой исторической памяти горожан. Этому способствует и следующее обстоятельство: его население сформировалось по большей части в период возведения и запуска предприятия. С 1969 г. по 1989 г. оно увеличилось более чем в 13 раз (с 37,9 тыс. человек до 500 с лишним тыс. человек [Краткая характеристика 1993: 7]). Причем жителями “нового” города стали съехавшиеся сюда со всего Советского Союза на знаменитую комсомольскую стройку. В связи с этим интервьюируемыми артикулировались смыслы: город

активных людей, умеющих самоорганизовываться, потомков первостроителей КамАЗа (“Люди у нас здесь... инициативные, горячие сердцами, потому что приехали люди со всех уголков... СССР. Встретившись друг с другом, они образовали семьи, которые... создали таких же детей по темпераменту, по энергетике” [ПМА 2: 10]). Показательно также, что на городском гербе запечатлен челн с полными парусами и спущенными в воду веслами — символ движения вперед и готовности жителей ускорить это движение.

Названные качества простимулировали динамичное становление бизнеса в этом городе: “У Челнов очень такой независимый, гордый характер, и, естественно, свободные люди могли бы и хотели бы реализоваться” (Там же: 9). Озвученное обстоятельство признавалось в том числе экспертами из других городов региона: “КамАЗ закрывался. И Челны... им надо было как-то выживать. И там развивалась именно предпринимательская жилка, там очень хорошие предприниматели” (Там же: 11). Отмечалось и то, что Набережные Челны — город с “социальными лифтами” (Там же: 10).

Наконец, специфика истории проявилась в культуре. На фоне академической культуры Казани она всегда казалась более смелой и авангардной. Иными словами, новому городу стало созвучным искусство (Султанова 2001: 50), связанное с новаторским театром и “смелыми” для своего времени монументальными работами Э. Ханова. Данные традиции продолжают сегодня Русский драматический театр “Мастеровые” и Набережночелнинский государственный татарский драматический театр имени Аяза Гилязова, КОП “Метро”, “Творческий треугольник” и организуемые рок-музыкантами концерты.

*“Не зовите нас чужаками, / Вспомнит кто-нибудь стариков, / Кто закладывал первый камень / Нестареющих городов”*. Нижнекамск строился на пустыре, хотя вокруг него располагался ряд сел, основанных еще в XVII в. С открытием на юго-востоке ТАССР залежей нефти в конце 1950-х годов было решено возвести на северо-востоке республики нефтехимический комплекс (47 лет 2013). В 1959 г. Всесоюзным институтом проектирования “Гипрогор” был разработан генплан города, а 25 декабря 1960 г. сюда приехали строители и забили первый колышек. В 1962 г. здесь трудилась 1 тыс. человек, в 1966 г. проживало уже 30 тыс., и рабочий поселок переименовали в город. Его посещение в 1968 г. вдохновило А. Пахматову и Н. Добронравова написать знаменитую песню “Смелость города берет”, отразившую настроение создававших его энтузиастов: “Им приходилось быть сильными. На пустом месте город строился” (ПМА 1: 5).

Соответственно Нижнекамск характеризовался интервьюируемыми как “молодой” город и место, в котором можно самореализоваться. Он обозначался также как *город-труженик*, где люди в четыре утра “едут на промзону”, поскольку химическое производство — безостановочное:

У этого города есть... свой плюс большой — это промышленная площадка, то есть, там, где... молодой специалист... может стать профессионалом своего дела (ПМА 2: 6).

Очень быстро засыпает город. В девять часов уже так мало людей, мало машин. <...> У нас большое количество населения... работает на заводе. <...> И многое там не останавливается, работает круглосуточно (Там же: 12).

Интервьюируемыми артикулировалось и то, что Нижнекамск вбирал и вбирает население окрестных деревень, что дало основание одной из экспертов называть его *городом “крестьянского характера”*: “Это город скромных людей. <...> Мы – стоящие на земле, вот так бы я сказала” (Там же: 2).

Что касается культуры, в сравнении с Челнами интервьюируемыми больше говорилось здесь о проводимых в городе конкретных мероприятиях: “Всегда там поют, рассказывают стихи и эмм... что-то танцуют. <...> Не могу сказать, насколько много и хорошо это делают, но да, это есть” (ПМА 1: 6). Упоминался и Татарский драматический театр, Музей народного художника Ахсана Фатхутдинова, известный в РТ ансамбль песни и танца “Нардуган”. Тем не менее участники интервью, особенно из числа молодежи, сетовали на недостаточную насыщенность культурной жизни Нижнекамска: “Если ты хочешь на какой-то концерт съездить, то ты едешь либо в Челны, либо в Казань” (Там же: 3).

В то же время руководством города и предприятий в последние десятилетия предпринимаются усилия по актуализации связанных с историей соседних деревень (русских и татарских), усадеб и пристани культурных символов. Тем самым, наряду с артикуляцией связанной с заводом истории города, акторы стремятся возродить/сконструировать заново более древние смыслы, сформировать альтернативные производственным культурные ландшафты.

*“... это место гораздо более древнее и... хранит какие-то тонкие смыслы”* (ПМА 2: 13). Альметьевск имеет иную историю. Он возник на месте татарской деревни, основанной в начале XVIII в. До революции село носило черты полугородского, и в его центре – как было свойственно пространственной структуре подобных поселений у мусульман – располагались “главная площадь, мечеть и базар” (Альметьевск б.г.) (ныне в городе есть район “Иске Әлмәт”/Старый Альметьевск с кладбищем, мечетями, частным сектором и домом культуры); развивались торговля и промыслы. В 1948 г. с обнаружением нефти численность населения начала расти, а в 1953 г. Альметьевск получил статус города.

Таким образом, в данном случае мы видим определенную преемственность места, и при более пристальном рассмотрении здесь открываются не лежащие на поверхности относительно давние культурные и духовные смыслы. Они, по мнению отдельных экспертов, берут начало в исламе (по одной из версий, деревня основана муллой Альметом [Амирханов б.г.]) и в татарской сельской культуре: “Этот уклад... на уровне подсознания. <...> У нас все-таки население... домоседы. <...> они живут... семейными ценностями” (ПМА 2: 14). При этом на них, а не только на истории развития нефтяной отрасли, выстраивается идентичность города, запрос на осмысление которой идет в настоящий период в первую очередь от ведущей компании. В связи с этим интервьюируемыми отмечались, в частности: проект “Сказка о золотых яблоках”, в рамках которого на фасадах домов появились муралы (в том числе на исторические и традиционные для татарской культуры сюжеты), самая большая в России выставка тюркских музыкальных инструментов, скульптура “Каракуз” (Черноглазая) (возведенная на площади перед зданием “Татнефти” известным скульптором Д. Намдаковым), этномодерн-фестиваль с тем же названием, а также строительство арт-резиденции (где планируется размещение площадок под ремесленные мастерские).

Таким образом, в Альметьевске мы видим пример того, как в исторической памяти горожан актуализируются связанные не только с историей завода,

но и с историей края символы и смыслы. Очевидно и стремление лидеров ведущего производства сохранить традиции и сделать при этом этническое современным, что дало основание одной из приглашенных в город специалистов назвать его руководство “патриотами Альметьевска и трудоголиками”, которым важно “превратить” город в “пространство культуры... где людям интересно и стоит жить” (Там же: 13). Сами горожане (как татары, так и русские), в свою очередь, подчеркивали, что они поддерживают такие начинания: “У нас с национальными много чего связано, татарское, именно. <...> Очень приветствуем” (ПМА 1: 7). В результате город начинает претендовать на роль нового культурного центра республики, занимающего свою отличную от Казани и Челнов нишу.

**Город, у которого “на все свое мнение”.** История Зеленодольска связана с поселениями, основанными в XIX в. переселенцами из русского и марийского сел. В конце XIX в. здесь была открыта железнодорожная станция (ныне – важный железнодорожный узел Казанской агломерации), мастерские по ремонту речных судов (легли в основу Завода им. А.М. Горького); начато строительство сталелитейного завода (сегодня – Завод имени Серго), для инженеров и администрации которого возведено жилье – исторический квартал “Полукамушки” (кирпичные дома по проекту К. Берга, над которыми в 1929 г. надстроены деревянные вторые этажи) (Зеленодольск б.г.). В 1913 г. здесь был сооружен уникальный для своего времени железнодорожный мост через Волгу (запечатлен в линогравюре “Романовский мост” С. Царева), имевший стратегическое значение для города и государства. А в годы Первой мировой войны из Петроградской губернии сюда были переведены персонал и оборудование Балтийского, Ижорского заводов, позже – Киевского и Ленинградского судостроительных предприятий, что позволило городу внести существенный вклад в оборону страны в годы Великой Отечественной войны.

Отмеченные выше обстоятельства дали основание экспертам называть Зеленодольск *городом инженеров*, имеющих на все свое мнение: “Люди уже были инженеры, тем более с образованием. И они уже знали себе цену <...> Мы – город... который не готов принимать все... под копирку” (ПМА 2: 5). Преобладание оборонной промышленности и расположение здесь военно-морской части усиливают *военно-патриотическую составляющую его образа* (первые места в регионе занимают зеленодольские юнармейские отряды).

Таким образом, история поселения и заводов здесь также неразрывны, однако сами заводы имеют более давние и разнообразные смыслы. При этом эвакуированные туда специалисты оказали влияние на его культуру (в частности, инициировав в сложный военный период – в 1943 г. – открытие здесь музыкальной школы). Сегодня в городе успешно функционируют Центр культуры, искусства и народного творчества им. Горького, Художественная галерея, Зеленодольский музыкальный театр, давшие региону и стране некоторые известные имена (в частности победителей конкурса “Голос”). Иными словами, можно говорить о наличии здесь своей местной культуры, тесно связанной с Казанью, но не идентичной ей, сохранившей характерные для советского периода традиции в виде классических концертов в парках и лыжных прогулок по выходным: “Вы увидите в городе в субботу-воскресенье – идущие люди в шапочках... Шапочки вот такие, знаете, с мысыком... до сих пор на этих, да, на взрослых людях (Там же: 15)”.

Добавим, что недалеко от города сегодня расположены важные туристические объекты Татарстана, связанные с русской/православной культурой (Раифский Богородицкий монастырь, музей-заповедник “Остров-град Свияжск”), что является предметом гордости для части горожан. Однако слышались и такие его оценки, как “пригород Казани”, ее спальный район, из которого вытягиваются лучшие кадры: “Город испытывает кадровый голод” (ПМА 1: 8).

### **Пространственные характеристики и репрезентация этнокультурного многообразия**

Часть представленных в интервью образов была связана с характером организации городских пространств, с их визуальным восприятием. Так, говоря про Челны, эксперты отмечали, что они масштабно выстроены, отличаются “правильными” широкими проспектами и просторными улицами (и это перекликается с образом самих горожан — свободных, дерзких, гордых). Одни из них видели в данном факте плюсы, подчеркивая, что город “по-умному строился”, здесь удобная инфраструктура, нет дорожных пробок и “много воздуха” (ПМА 2: 7), поэтому он воспринимается и сегодня как современный, молодежный. Другие замечали, что множество “продольных улиц, заканчивающихся речкой”, ведет к сильным ветрам и что он “холодноват” (Там же: 16). Встречалась и такая характеристика, как “белый город”: “У нас город облицован белой плиткой. Почти полностью. Поэтому впечатление, что он белый” (ПМА 1: 9). Романтизированная его передача запечатлена в картине М. Усманова “Новый город на Каме”, а вот в работе “Город” В. Анятина иное настроение — отчужденности людей среди новостроек.

Поселение выстроено “линейно”: селитебная зона протянулась вдоль Камского водохранилища (что дало возможность обустроить здесь ряд набережных), а промышленно-складские районы идут следующей линией. Авторские наблюдения подтвердили сохраняющуюся здесь границу между относительно старой (ГЭС, ЗЯБ и др.) и новой частями жилых кварталов. В старой жизнь течет размереннее, семьи гуляют с колясками, а ветераны встречаются в ДК “Энергетик”. В новой больше развлечений для молодежи, площадок для экстремальных видов спорта, дорогие магазины и торговые центры; здесь же функционирует Органный зал, открылся Русский драматический театр “Мастеровые”, здание и интерьеры которого выполнены в красно-серых тонах, соответствующих, по замыслу автора, индустриальной природе города.

При этом интервьюируемыми отмечалось отсутствие в Челнах планировавшегося, но так и не реализованного центра. Одни оценивали данный факт критически: “Люди, которые приезжают... не понимают, где именно точка центральная или улица центральная. Тут по сути есть какие-то кусочки в городе” (ПМА 1: 4); другие замечали, что это даже хорошо, поскольку в нем несколько точек притяжения: “Мне кажется... у всех свои, разные интересы” (Там же: 10). Иными словами, пространство города, меняясь, продолжает нести отпечаток связанного с возведением завода прошлого; примечательно, что и адреса горожане продолжают называть по номерам строительных комплексов.

В Нижнекамске пространственные характеристики иные. При въезде в него со стороны Челнов обращает на себя внимание контраст между впечатляющим, немного мрачным индустриальным пейзажем промзоны и тихим уютным горо-

дом. Сами горожане характеризовали его как “компактный”, “зеленый”, “пешеходный”, неоднократно “попадавший на первое место... инфраструктуры городской” (Там же: 5). Благоприятные природные условия призван символизировать герб, на котором изображены сосны, река и солнце. Вот как вспоминает первое впечатление о нем один из экспертов: “Маленький такой и... белый-белый-белый-белый. <...> Улица Химиков сидит в цветах, когда яблони цветут” (ПМА 2: 17). И еще характеристика: “Если брать там моногорода, я помню в фильмах... показывают. <...> Там есть промзона, и есть такой серый городишко. Здесь это не так” (Там же: 6).

Однако, несмотря на то что жилая часть города отделена от промышленной широкой зеленой полосой, а в самом городе расположено большое количество парков и скверов, жители озвучивали проблемы с экологией и здоровьем населения. В связи с этим один из интервьюируемых дал ему характеристику “подхрамывающий” (ПМА 1: 11). Поэтому самое дорогое и комфортабельное жилье располагается здесь в противоположной от заводов стороне, где находятся историческое место “Красный ключ”, один из красивейших в регионе храмов с тихой аллеей, экопарк и благоустроенная набережная (для всех горожан).

Руководство Нижнекамска и ведущих компаний, что подчеркивалось в ходе экспертных интервью, активно решает данные проблемы: как напрямую — вводя жесткие нормы контроля на производстве, так и косвенно — налаживая правильное питание работников, стремясь улучшить экологическую ситуацию путем организации движения электротранспорта, строительства велодорожек: “Есть предрассудки... что экологию формируют только заводы... На сегодняшний день влияние автомобильного транспорта, оно тоже колоссальное” (ПМА 2: 18).

Альметьевск отличается от охарактеризованных выше поселений тем, что в нем нет столь большой выделенной промзоны, поскольку нефтедобыча ведется за пределами города. Однако здесь находятся заводы, производящие оборудование и комплектующие (для нефтедобычи и нефтесервиса), располагаются дирекция и НГДУ предприятий. Характеризуя его пространства, эксперты и горожане обращали внимание на то, что они стали в последние годы благоустроенными — “город, где комфортно жить” (Там же: 8). Это обстоятельство объяснялось возможностями ведущей компании, а также тем, что «топ-менеджмент, на примере “Татнефти”, “СМП” (“СМП Нефтегаз”. — Г.М.) и “Таграс” живет здесь» (Там же: 19). Отмечалось, что он “грамотно... обживает с точки зрения инфраструктуры... мест проведения досуга... и это в шаговой доступности” (ПМА 1: 2); поэтому отдельные интервьюируемые определяли его как “маленькую Швейцарию”. В связи с этим выделялись такие объекты, как “Каскад прудов”, велодорожки (“больше ста километров. Это вело-столица России” [ПМА 2: 19]), Спортивно-оздоровительный комплекс “Ян”; назывался также Интерактивный научно-познавательный центр “Альметрика”, Детский технопарк “Кванториум”. Подчеркивалось и то, что расстояние от города до столицы Татарстана сокращается в связи со строительством новой платной автомагистрали.

Тем не менее отдельные информанты сетовали на недостаточную развитость здесь историко-культурной среды: “История города, у нас этого нет. Вот как ни развивай, а исторические какие-то вещи, там здания, сооружения, куда хочется сходить, посмотреть, почувствовать...” (ПМА 1: 12). Таким образом, при том что в поселении акцентируются связанные с историей места смыслы, его

собственно городская история недавняя, и городские пространства только формируются.

В Зеленодольске обратил на себя внимание большой частный сектор, разделенный переездами и напоминающий скорее загородный поселок. Такой образ передается и названиями части улиц – Березовая, Вишневая, Залесная, Озерная, Весенняя. Достаточно тихий и спокойный центр (улица Ленина), в котором сохранились милые трехэтажные дома старой советской застройки, живет своей размеренной жизнью. А проехав по эстакаде через железную дорогу, попадаешь в развернувшуюся вдоль Волги промзону: такое ее расположение продиктовано тем, что Завод им. Горького спускает на реку производимые им суда: “Город все-таки обосновывался как промышленный. И весь вот этот берег сейчас занят большими нашими производствами” [ПМА 2: 15]). В связи с этим отдельными интервьюируемыми отмечалось, что он не имеет своей набережной (променада) и что новый благоустроенный пляж оказался вынесенным за городскую черту. В свою очередь, ближе к Казани (по дороге к ней) разрастается новый микрорайон – “Мирный” – с современным парком, кинотеатром и Молодежным центром “Порт”.

Соответственно, характеристики и оценки города оказались противоречивыми и отличались у представителей разных возрастов. Так, горожане старшего поколения и те, кто уже имеет свои семьи, отмечали, что город зеленый, в нем есть лес, река и озеро, возможности для культурного развития детей: “Вот музыкальная школа, там рядом художественная школа... Детские сады и школы тоже, не надо на трамваях ехать” (ПМА 1: 13). Однако те, кто еще не обзавелся семьей, характеризовали его как скучный, подчеркивая, что для учебы и развлечений приходится ездить в Казань: “Молодежи <...> здесь нечего делать – тут нет образования, здесь нет развлечений, здесь некуда пойти” (Там же: 14).

Важно подчеркнуть, что во всех изучаемых поселениях интервьюируемые признавали позитивное влияние на их образы реализации в республике проектов реновации парков и скверов, благоустройства дворов. Отмечалось и то, что городские пространства стали в связи с этим более безопасными, а меняющиеся ландшафты позитивно сказываются на городской идентичности: «Я вот, значит, диплом получила, и... у меня была прямо прогулка по Альметьевску. И он тогда выглядел плохо <...> “Ну, не хочу я в Альметьевске жить!” <...> А теперь... если бы я сейчас заканчивала вуз и прогуливалась бы хоть по этой Ленина... я бы наверно тут осталась» (ПМА 2: 20).

Наконец, еще один аспект, на котором важно остановиться отдельно, касается отражения в представлениях о промышленных городах Татарстана их этнокультурной специфики. В ходе интервью данный вопрос не поднимался специально, однако он возникал в процессе обсуждения. Прежде всего во всех четырех городах интервьюируемыми отмечалась поддерживаемая на уровне республики паритетность татарской и русской культур, ислама и православия. Данные продвигаемые региональными акторами идеи трактовались как общепринятые и само собой разумеющиеся:

Здесь в одну сторону дороги стоит мечеть, с другой стороны церковь. И строятся новые тоже также, учитываются особенности всех (Там же: 18).

Мы ежемесячно проводили мероприятия по табличкам... на двух государственных языках – татарском и русском. <...> Чтобы информационная доступность была (Там же: 19).

В то же время отмечалась деятельность национально-культурных ассоциаций, репрезентирующих культуры всех народов: «В этом году отремонтировали Дом Дружбы “Родник”, где у нас 22 общины находятся... у каждого есть своя комната. Они все у нас оформлены в национальном стиле. Есть там воскресная школа, куда ходят дети. И на своем родном языке проходят у них занятия и готовятся выступления» (Там же: 21).

Обозначались и этнокультурные особенности каждого поселения. В частности, в Альметьевске, как уже отмечалось выше, подчеркивалась историческая связь с традиционной культурой места, прежде всего татарской: “Это кластер старинных деревень, по большей части, конечно, мусульманских деревень. И это очень сильно ощущается, вот этот духовный... стержень” (Там же: 13). И хотя отдельные интервьюируемые говорили о том, что связанный с сельской культурой домашний/семейный уклад препятствует выходу жителей в пространства города, в нем постепенно складывается своя городская среда, где значимы и традиционные спектакли Татарского драматического театра, и современные фестивали, выставки, ярмарки, а на велодорожки как бы “приглашает” его жителей и гостей скульптура, изображающая Г. Тукая (татарского поэта-классика) на велосипеде.

Этнокультурная специфика Нижнекамска также определялась рядом экспертов как связанная в первую очередь с татарской культурой. При этом, наряду с ее воплощением в “Парке Тукая”, в организуемых на открытых площадках концертах, вновь отмечалась деятельность татарского театра (с его литературными вечерами “Жидегән чишмә”), ансамбля “Нардуган” и галереи А. Фатхутдинова. В то же время становящееся знаковым для нижекамцев место “Святой/Красный ключ” является выражением тесной связи мусульманской и православной традиций и истории.

В Челнах в качестве этнокультурной доминанты интервьюируемыми выделялась идея многонациональности, а также равенства татарской и русской культур. И это органично для города, население которого сформировано в годы всесоюзной стройки. Не случайно в изобразительном искусстве здесь находит отражение как татарская тема (в картинах М. Хазиева, Х. Шарипова и др.), так и русская/православная (в работах группы художников “АНСВАКИ”). В ходе интервью данная идея проводилась представителями городской администрации: “У нас отремонтирован капитально Русский драматический театр – новое здание, Татарский драмтеатр” (ПМА 2: 10). Другие эксперты и “простые” челнинцы выражали привязанность к тому либо другому из них:

У нас есть “Мастеровые”, слава Богу. <...> Здание абсолютно новое. <...> И актеры у нас есть потрясающие, очень тонкие, эрудированные люди (Там же: 22).

Татарский драмтеатр в новое здание большое переехал. <...> Там очень внутри красиво. <...> Я сама очень люблю театр, татарский театр... прям на душу лежит. <...> Татарский язык вот именно в театре очень люблю (ПМА 1: 10).

Наконец, в Зеленодольске при артикулировании паритетности культур экспертами отмечалось, что они гордятся фестивалем “Свет Вифлеемской звезды”: “На уровне республики как бы мы ассоциируемся именно с этим праздником”

(ПМА 2: 5). Также в городе начал проводиться день Ивана Купалы. Это объяснялось тем, что среди жителей поселения преобладают русские. Хотя, как и во всех городах Татарстана, здесь проходят и татарские праздники: «Гордимся своим Рождественским фестивалем, который мы на протяжении... 24-х лет проводим. <...> Ну, и “Сабантуй” у нас очень интересно проходит» (Там же: 15). Поэтому было ожидаемо, что и в стрит-арт-проекте “Яркий Зеленодольск”, помимо пейзажей и репрезентации ведущих предприятий города, можно будет увидеть церкви (Свияжского и Раифского комплексов и др.), а также мечети.

В качестве обобщения отметим, что при всей значимости этнической темы в изучаемых промышленных городах она все же остается в них вторичной по отношению к смыслам, связанным с их индустриальным прошлым и настоящим.

\* \* \*

Проведенное исследование позволило выделить основные составляющие образов промышленных городов Татарстана, выявить их типические черты и отличающие друг от друга характеристики. Вербально фиксируемый формат описания данных образов лидерами городских сообществ и “рядовыми” горожанами (ориентирующимися на предлагаемые акторами смыслы и по-своему выражающими их) оказался “созвучным” закрепляемым в городской символике и топонимике, монументальной пропаганде и произведениях искусства смыслам.

1) Общим для изучаемых поселений (как и ряда других промышленных городов России) явилось то, что сохраняющийся индустриальный профиль и конкретная отраслевая специализация продолжают определять их образы. Отсюда обозначение данных поселений как города нефтяников, химиков, машиностроителей, судостроителей. При этом, задавая их ритм и образ жизни, завод выступает для каждого горожанина неким незримым “партнером”: “со-ратником” — в случае его вовлеченности в дела завода, “хозяином” — если чувства сопричастности к его деятельности и проектам нет. Восприятие города-завода зависит и от возможностей самого ведущего предприятия выступить в роли участника городского развития, обеспечить преференции своим работникам. В то же время наблюдается стремление акторов (в том числе связанных с производством) расширить индустриальные смыслы образовательной и научной составляющими.

2) История городов, получающая отражение в их образах, также тесно связана с историей заводов. Иными словами, предприятия выступают не просто смысловой доминантой данных образов, но и в ряде случаев — начальной точкой отсчета исторической памяти горожан. Имеет значение и история возникновения и формирования населения. В связи с этим Набережные Челны обозначались как город инициативных и гордых людей — потомков первостроителей КамАЗа, Нижнекамск — город-труженик больше “крестьянского характера”, Альметьевск — как поселение, где в качестве духовного стержня сохраняется связь с культурой татарской/мусульманской деревни, а Зеленодольск — как город, “лицо” которого определяется прибывшей сюда в периоды эвакуаций инженерной интеллигенцией, отличающейся независимостью суждений.

3) Ряд характеристик определяется пространственной организацией городов, их географическим положением, экологической ситуацией и формирую-

шейся культурной спецификой. Так, Челны — это город широких проспектов и удобной инфраструктуры, сохраняющий “следы” советской эпохи в виде отсутствия центра и многонациональной культуры, которую можно также охарактеризовать как современную индустриальную и авангардную. Нижнекамск — город, поражающий контрастом мощи индустриального пейзажа и уюта городских парков, ищущий и находящий пути разрешения экологических противоречий, с культурой, складывающейся в ходе деятельности местных коллективов и актуализации связанных с окрестностями более давних смыслов. Альметьевск — небольшой, благоустроенный и комфортный для проживания город, культура которого ориентирована на становление креативных индустрий, базирующихся на этнических (связанных прежде всего с локальной татарской традицией) мотивах. Зеленодольск — расположенный недалеко от столицы республики, протянувшийся вдоль Волги (хотя и не имеющий своей набережной) зеленый и спокойный город со своей провинциальной, тесно связанной с Казанью культурой, отличающейся большей связью с русскими/православными традициями.

Таким образом, при обусловленной главной функцией промышленных городов Татарстана схожести их образов, они индивидуальны и отличаются друг от друга связанными со спецификой истории и формирования населения характеристиками, особенностями организации пространства и культуры (в том числе этнической ее составляющей). У каждого из них постепенно формируются свое “лицо”, визуальный облик и характер.

### *Источники и материалы*

- 47 лет 2013 — 47 лет назад Нижнекамску официально присвоили статус города // Официальный сайт Нижнекамского муниципального района Республики Татарстан. 22.09.2013. <https://e-nkama.ru/news/253/18631>
- Альметьевск б.г. — Альметьевск. Город республиканского подчинения, центр Альметьевского района // Tatarica. Татарская энциклопедия. <https://tatarica.org/ru/razdely/municipalnye-obrazovaniya/gorodskie-poseleniya/almetevsk> (дата обращения: 07.07.2023).
- Амирханов б.г. — Амирханов Р. Когда и кем было основано село Альметьево? // Тюрко-Татарский Мир. <http://www.tataroved.ru/publication/almet/7/8> (дата обращения: 29.03.2024).
- Зеленодольск б.г. — Зеленодольск. Город (с 1932 г.) республиканского подчинения, административный центр Зеленодольского района (с 1958 г.) // Tatarica. Татарская энциклопедия. <https://tatarica.org/ru/razdely/municipalnye-obrazovaniya/gorodskie-poseleniya/zelenodolsk> (дата обращения: 10.07.2023).
- Краткая характеристика 1993 — Краткая характеристика г. Набережные Челны и отраслей городского хозяйства. Набережные Челны, 1993.
- ПМА 1 — Полевые материалы автора. Интервью в семьях жителей промышленных городов Татарстана, 2021 г. (информанты: 1 — Набережные Челны, муж., 32 г.; 2 — Альметьевск, муж., 45 л.; 3 — Нижнекамск, муж., 35 л.; 4 — Набережные Челны, жен., 48 л.; 5 — Нижнекамск, жен., 66 л.; 6 — Нижнекамск, жен., 28 л.; 7 — Альметьевск, жен., 46 л.; 8 — Зеленодольск, жен., 58 л.; 9 — Набережные Челны, жен., 24 г.; 10 — Набережные Челны, жен., 40 л.; 11 — Нижнекамск, муж., 38 л.; 12 — Альметьевск, жен., 43 г.; 13 — Зеленодольск, жен., 50 л.; 14 — Зеленодольск, жен., 17 л.).

ПМА 2 – Полевые материалы автора. Экспертные интервью в промышленных городах Татарстана, 2022 г. (эксперты: 1 – Альметьевск, вед. предпр.; 2 – Нижнекамск, вед. предпр.; 3 – Зеленодольск, работ. культ.; 4 – Зеленодольск, предприн.; 5 – Зеленодольск, креат. индустр.; 6 – Нижнекамск, вед. предпр.; 7 – Набережные Челны, вед. предпр.; 8 – Альметьевск, администр. гор.; 9 – Набережные Челны, предприн.; 10 – Набережные Челны, администр. гор.; 11 – Альметьевск, предприн.; 12 – Нижнекамск, общ. организ.; 13 – Альметьевск, креат. индустр.; 14 – Альметьевск, работ. культ.; 15 – Зеленодольск, работ. культ.; 16 – Набережные Челны, вед. предпр.; 17 – Нижнекамск, работ. культ.; 18 – Нижнекамск, гор. админ.; 19 – Альметьевск, гор. админ.; 20 – Альметьевск, креат. индустр.; 21 – Набережные Челны, гор. админ.; 22 – Набережные Челны, креат. индустр.).

СБ 2023 – Статистический бюллетень “Численность населения муниципальных образований Республики Татарстан” на начало 2023 года // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан. 25.04.2023. <https://16.rosstat.gov.ru/naselenie>

### *Научная литература*

- Глазычев В.Л.* Глубинная Россия: 2000–2002. М.: Новое издательство, 2005.
- Горелова Ю.Р.* Образ города в восприятии горожан. М.: Институт наследия, 2019.
- Дранникова Н.В.* Локальная идентичность жителей двух северных городов Архангельска и Северодвинска: опыт сравнительного анализа // Антропология города. Вып. 2, Северный город: Культурное пространство и культурные идентичности в арктических и субарктических городах / Под. ред. Ю.П. Шабаева, И.Л. Жеребцова, М.А. Омарова. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УРО РАН, 2020. С. 80–105.
- Дридзе Т.М.* (ред.) Прогнозное социальное проектирование: теоретико-методологические и методические проблемы. М.: Наука, 1994.
- Замятин Д.Н.* Геокультурный брендинг территорий: концептуальные основы // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2013. № 5. С. 11–23.
- Карасева А.И.* К вопросу о культурной специфике северных городов (рец. на: Антропология города. Вып. 2. Северный город: культурное пространство и культурные идентичности в арктических и субарктических городах / Под ред. Ю.П. Шабаева, И.Л. Жеребцова, М.А. Омарова. М., 2020) // Этнографическое обозрение. 2022. № 1. С. 237–242. <https://doi.org/10.31857/S0869541522010158>
- Карачурина Л.Б.* Урбанизация по-российски. Тенденции последних 20 лет // Отечественные записки. 2012. № 3 (48). С. 10–24.
- Малькова В.К., Тишков В.А.* (ред.) Культура и пространство: историко-культурные бренды и образы территорий, регионов и мест. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012.
- Лидодия Ю.А.* Образ города в рамках социальной психологии // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2010. № 1. С. 86–87.
- Султанова Р.Р.* Искусство новых городов Татарстана (1960–1990-е годы): живопись, графика, монументально-декоративное искусство, скульптура. Казань, 2001.

- Шаббаев Ю.П., Садохин А.П., Лабунова О.В., Сазонова Н.Н. Антропологическое понимание города и методология урбанистического изучения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 3 (145). С. 248–267. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.3.13>
- Шуницина О.А. и др. Горнозаводская и равниннофабричная цивилизации России: индустриальное наследие и городская идентичность // Городские исследования и практики. 2021. Т. 6 (1). С. 125–144. <https://doi.org/10.17323/usp612021125-144>
- Gospodini A. Portraying, Classifying and Understanding the Emerging Landscapes in the Post-Industrial City // *Cities*. 2006. Vol. 23 (5). P. 311–330. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2006.06.002>
- Harcup T. Re-Imaging a Post-Industrial City: The Leeds St Valentine's Fair as a Civic Spectacle // *City*. 2000. Vol. 4 (2). P. 215–231. <https://doi.org/10.1080/13604810050147839>
- Hodson P. Titanic Struggle: Memory, Heritage and Shipyard Deindustrialization in Belfast // *History Workshop Journal*. 2019. Vol. 87. P. 224–249. <https://doi.org/10.1093/hwj/dbz003>
- Rodwin L., Hollister L.M. (eds.) *Cities of the Mind: Images and Themes of the City in the Social Sciences*. N.Y.: Plenum press, 1984.

## Research Article

Makarova, G.I. Images of Industrial Cities of Tatarstan in the Vision of the Leaders of Urban Communities and Ordinary Residents [Obrazy promyshlennykh gorodov Tatarstana v videnii liderov gorodskikh soobshchestv i prostykh zhitelei]. *Этнографическое обозрение*, 2024, no. 4, pp. 183–204. <https://doi.org/10.31857/S0869541524040102> EDN: AXWZLC ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Guzel Makarova | <http://orcid.org/0000-0002-3912-0961> | [makarova\\_guzel@mail.ru](mailto:makarova_guzel@mail.ru) | Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (7A Baturina St., Kazan, Republic of Tatarstan, 420111, Russia)

## Keywords

non-capital industrial city, city image, industrial identity, urban history, spatial sociocultural environment, ethnocultural specifics of city, actors of city development, Tatarstan

## Abstract

The article examines the verbally recorded dominants of the vision and construction of images of non-capital industrial cities of Tatarstan by their leading actors, accepted and described in their own way by ordinary citizens. They are supplemented by the author's personal observations and analysis of the meanings embedded in urban symbols and toponymy, monumental propaganda and works of art. Conducted in 2021–2022 in Naberezhnye Chelny, Nizhnekamsk, Almetyevsk, and Zelenodolsk, expert interviews and problem-oriented interviews with families showed that their industrial specialization (and, accordingly, the designation as a city of mechanical engineers, chemists, oil workers, shipbuilders), as well as the associated features of the mentality of the residents, continued to determine their images. Moreover, the plant becomes a kind of invisible “partner” for every city dweller, setting the rhythm and style of life, key moments of historical memory. At the same time, the individuality of settlements is influenced by the peculiarities of the formation of their population, sociocultural spaces and urban culture, including ethnocultural specifics.

## References

- Drannikova, N.V. 2020. Lokal'naia identichnost' zhitelei dvukh severnykh gorodov Arkhangel'ska i Severodvinska: opyt sravnitel'nogo analiza [Local Identity of Residents of Arkhangel'sk and Severodvinsk, Two Northern Cities: Experience in Comparative Analysis]. In *Antropologiya goroda* [Urban Anthropology]. Vol. 2, *Severnyi gorod: Kul'turnoe prostranstvo i kul'turnye identichnosti v arkticheskikh i subarkhticheskikh gorodakh* [The Northern City: The Cultural Space and Cultural Identities in the Arctic and Sub-Arctic Cities], edited by Y.P. Shabaev, I.L. Zherebtsov, and M.A. Omarov, 80–105. Syktyvkar: IIALI Komi NTs URO RAN.
- Dridze, T.M., ed. 1994. *Proгнозное sotsial'noe proektirovanie: teoretiko-metodologicheskie i metodicheskie problem* [Predictive Social Design: Theoretical, Methodological and Methodological Problems]. Moscow: Nauka.
- Glazychev, V.L. 2005. *Glubinnaya Rossiia: 2000–2002* [Deep Russia: 2000–2002]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
- Gorelova, Y.R. 2019. *Obraz goroda v vospriyatii gorozhan* [The Image of the City in the Perception of Citizens]. Moscow: Institut nasledia.
- Gospodini, A. 2006. Portraying, Classifying and Understanding the Emerging Landscapes in the Post-Industrial City. *Cities* 23 (5): 311–330. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2006.06.002>
- Harcup, T. 2000 Re-Imaging a Post-Industrial City: The Leeds St Valentine's Fair as a Civic Spectacle. *City* 4 (2): 215–231. <https://doi.org/10.1080/13604810050147839>
- Hodson, P. 2019. Titanic Struggle: Memory, Heritage and Shipyard Deindustrialization in Belfast. *History Workshop Journal* 87: 224–249. <https://doi.org/10.1093/hwj/dbz003>
- Karachurina, L.B. 2012. Urbanizatsiia po-rossiiski. Tendentsii poslednikh 20 let [Urbanization, Russian Style: Trends of the Last 20 Years]. *Otechestvennye zapiski* 3 (48): 10–24.
- Karaseva, A.I. 2022. K voprosu o kul'turnoi spetsifike severnykh gorodov [On the Unique Cultural Features of the Northern Urbanity]: A Review of *Antropologiya goroda* [Urban Anthropology]. Vol. 2, *Severnyi gorod: kul'turnoe prostranstvo i kul'turnye identichnosti v arkticheskikh i subarkhticheskikh gorodakh* [The Northern City: The Cultural Space and Cultural Identities in the Arctic and Sub-Arctic Cities], edited by Y.P. Shabaev, I.L. Zherebtsov, and M.A. Omarov. *Etnograficheskoe obozrenie* 1: 237–242. <https://doi.org/10.31857/S0869541522010158>
- Malkova, V.K., and V.A. Tishkov, eds. 2012. *Kul'tura i prostranstvo: istoriko-kul'turnye brendy i obrazy territorii, regionov i mest* [Culture and Space: Historical-Cultural Brands and Images of Territories, Regions and Localities]. Rostov-on-Don: Izdatel'stvo YuNTs RAN, 2012.
- Pidodnia, Y.A. 2010. Obraz goroda v ramkakh sotsial'noi psikhologii [The Image of the City in the Framework of Social Psychology]. *Mezhdunarodnyi zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy* 1: 86–87.
- Rodwin, L., and L.M. Hollister, eds. 1984. *Cities of the Mind. Images and Themes of the City in the Social Sciences*. New York: Plenum press.
- Shabaev, Y.P., A.P. Sadokhin, O.V. Labunova, and N.N. Sazonova. 2018. Antropologicheskoe ponimanie goroda i metodologiya urbanisticheskogo izucheniia [Anthropological Understanding of the City and Urban Research Methodology]. *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* 3 (145): 248–267. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.3.13>

- Shipitsyna, O.A., et al. 2021 Gornozavodskaya i ravninno-fabrichnaya tsivilizatsiya Rossi: industrial'noe nasledie i gorodskaya identichnost' [Mining and Plain-Factory Civilizations of Russia: Industrial Heritage and Urban Identity]. *Gorodskie issledovaniya i praktiki* 6 (1): 125–144. <https://doi.org/10.17323/usp612021125-144>
- Sultanova, R.R. 2001. *Iskusstvo novykh gorodov Tatarstana (1960–1990-e gody): zhivopis', grafika, monumental'no-dekorativnoe iskusstvo, skulptura* [Art of the New Cities of Tatarstan (1960–1990s): Painting, Graphics, Monumental and Decorative Art, Sculpture]. Kazan.
- Zamiatin, D.N. 2013. Geokul'turnyi brending territorii: kontseptual'nye osnovy [Geocultural Branding Territory: Conceptual Bases]. *Labirint. Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniy* 5: 11–23.